

НАРКОПРАГМАТИКА. Наркоконтроль и доступ к лекарственным средствам

В гостях у НАРКОПРАГМАТИКИ *Арсений Левинсон* – юрист, правозащитник, член рабочей группы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по совершенствованию антинаркотического законодательства и координатор веб-ресурса правовых консультаций по делам, связанным с наркотиками, [Hand-help](#).

За получение антидепрессанта по почте – судимость

«Дела, в которых разбирается доступ к лекарственным средствам, в состав которых входят наркотические средства и психотропные вещества, довольно необычные, потому что в них наркоконтроль ограничивает доступ не только к опиоидным анальгетикам, но и другим веществам. Важно понять логику наркоконтроля, государства по ограничению подобного рода лекарственных средств», – начинает разговор адвокат Михаил Голиченко.

Арсений Левинсон говорит, что дела, где антинаркотическое законодательство применяется к действиям, которые ничего общего с употреблением немедицинским наркотиков не имеют, близки к абсурду.

«Это дела, которые многим известны и широко обсуждались на уровне Президента, Генерального прокурора. Например, такие, которые касаются [матерей тяжелобольных детей](#). Но есть дела, которые гораздо меньше обсуждаются, и они касаются пациентов, имеющих психиатрические диагнозы, которым не помогают классические, доступные в России антидепрессанты. Люди вынуждены как-то приобретать антидепрессанты за границей и ввозить их путем международного почтового отправления. Таким образом, они покупают антидепрессанты, которые раньше в России были зарегистрированы. Например, [дело Дарьи Беляевой](#), которая страдала от депрессии, однажды передавалось в суд с обвинением в контрабанде в крупном размере, которое предусматривает от 10 до 20 лет лишения свободы, хотя никаких данных о том, что она собирались этот антидепрессант употреблять не по назначению или продавать, не было», – рассказывает правозащитник.

В таких случаях очень сложно или даже невозможно усмотреть какую-то общественную опасность. Лекарство приобретает человек, которому этот антидепрессант показан по медицинским показаниям, у него имеются документы подтверждающие, что этот препарат необходим для лечения. Конечно, в медицинских документах не указано конкретное название, например, *бупропион*, так как в России врачи не могут прописать незарегистрированные лекарственные средства.

«Но покупка незарегистрированного лекарства - это точно не оборот наркотиков. К обороту лекарств должно применяться таможенное законодательство об обращении лекарственных средств, которое гласит, что ввоз физическим лицом для собственного



применения незарегистрированных лекарственных средств возможен. Вместо этого применяется антинаркотическое законодательство», – продолжает Арсений Левинсон.

Антинаркотическое законодательство и оборот лекарственных средств

Опиоидные анальгетики, препараты, которые имеют явно выраженный психоактивный эффект, доказанный риск зависимости или широкую практику злоупотребления такими веществами, немедицинского их использования, включены международной конвенцией в перечень запрещенных веществ, находящихся под особым контролем. К ним, если они приобретаются не по рецептам врачей, применяется законодательство об обращении наркотических средств. Но есть лекарственные средства, как бупропион, которые не включены ни в какие перечни. Тут возникает вопрос, на каком основании принято такое решение, какова логика, кто это решил?

По мнению Арсения Левинсона, ситуация запутанная. «Понять, почему бупропион относится к наркотическим веществам, сложно. Это связано с контролем над новыми психоактивными веществами. По всему миру получили распространение новые психоактивные вещества, которые в перечне не названы. У них изменена формула веществ, которые включены в перечень, чтобы уйти от контроля. Тут появляется термин – производные наркотические вещества. Бупропион подпадает под понятие производных наркотических средств, а именно – под производное эфедрона потому, что похожа их формула, структура. Но похожесть структуры сама по себе не должна быть основанием для выводов о том, что вещество также опасно, имеет такое же воздействие на организм человека, как и исходное. В некоторых делах не было проведено исследований, подтверждающих, что механизм действия вещества такой же как у вещества, которое включено в перечень. Просто из-за структурного сходства этих веществ людей обвинили в контрабанде наркотиков».

Михаил Голиченко спрашивает у собеседника, есть ли механизм, когда психоактивное свойство вещества необходимо принимать во внимание при решении вопроса о наложении определённых ограничений на оборот вещества, особенно имея в виду новые психоактивные вещества.

Отвечая на вопрос, Арсений Левинсон рассказывает, что в российском законодательстве был такой механизм. Было понятие аналога наркотического средства. В законе было указано, что аналог — это вещество, которое сходно по воздействию на организм человека и по химической структуре. Но правоохранительные органы, чтобы упростить преследование новых психоактивных веществ, просто убрали часть про необходимость воздействия на организм и ввели понятие «производные наркотические вещества». В законе нигде не раскрывается, что это такое, есть только объяснение в подзаконном акте, в Постановлении Правительства. Понятие производных касается только химической структуры и ничего не говорит о воздействии на организм человека.



«По большому счету, производное — это недоказанный аналог. Вместо понятия «аналог» правоохранительные органы используют более простое понятие «производное». Были предприниматели из Китая, которые ввозили парфюмерию или какие-то химические реактивы для парфюмерии, которых привлекали за контрабанду производных. Они и подумать не могли, что это может рассматриваться как производное наркотических средств и как контрабанда наркотиков. Правда, суд присяжных их оправдал. Понятие производных может быть применено к миллионам разных веществ, которые нигде не обозначены и человек сядет надолго за контрабанду, хранение, сбыт этих веществ. Была группа химиков, которые объединились и сделали алгоритм, чтобы вычислить вещества, которые есть в законном обороте и которые могли бы рассматриваться как производные наркотиков. Выяснилось, что, например, подсластитель, который содержится в кока-коле, по этому понятию можно признать производным амфетамина. Получается, что кока-кола тоже смесь, содержащая производное наркотического средства, подлежит контролю», — делится абсурдностью ситуации правозащитник.

Абсурды борьбы с наркотиками

Экспертам даны полномочия для того, чтобы ограничить огромное количество веществ в законном обороте, или таких веществ, которые появятся в законном обороте, из которых предприниматели делают новую косметику или новые лекарства, которые потенциально будут наркотиками. К сожалению, это способ имитировать борьбу с наркотиками, заниматься преследованием людей, которые страдают от депрессии, а не наркоторговцев и нелегально организованных форм наркобизнеса.

Михаил Голиченко рассуждает, возможно ли, что полиция исходит из того, что появились новые психоактивные вещества. «Так может быть есть смысл широким фронтом организовать эшелонированную защиту? Защитить все производные, развязать руки правоохранительным органам и таким образом Российскую Федерацию сделать единственной территорией свободной от наркотиков?» — провоцирует он собеседника.

«Сахар тоже психоактивное вещество. Он оказывает психоактивное воздействие на организм. Мозг человека всё время в реальной жизни получает дофаминовые подкрепления деятельности. Абсурдность ситуации проявляется, например, в том, что наркополиция на полном серьёзе говорила о потребности контролировать веселящий газ (его уже стали контролировать), закись азота. И аудионаркотики: саундтреки в интернете, которые человек слушает и испытывает какое-то психоактивное воздействие, изменение сознания. В принципе это значит, что при любом изменении сознания человек подлежит преследованию со стороны правоохранительных органов. И неважно, будут это аудионаркотики, наркотики, кока-кола», — приводит один пример за другим Арсений Левинсон.

Несколько иная ситуация с алкоголем. Правозащитник убеждён, что на примере алкоголя, который является психоактивным веществом, можно проследить за



<https://harmreductioneurasia.org/ru>

Евразийская ассоциация снижения вреда

Адрес: проспект Гедимина 45-4, 01109,

Вильнюс, Литва

Тел.: +370 68887975

Код регистрации: 304470687



@EHRAssociation



info@harmreductioneurasia.org



@EHRA2017

эффективностью контроля за психоактивными веществами. «Надо признать, что есть необходимость государственного регулирования в этой области. Во многих странах вводятся множественные ограничения на оборот алкоголя, правила, его государственный контроль, запрет рекламы и так далее. Потому что он наносит колоссальный вред общественному здоровью: огромное количество болезней, преждевременных смертей, риск для развития заболеваний. Но отношение к проблеме контроля алкоголя более адекватное. Не сажают всех, кто выпивает, или всех, у кого зависимость от алкоголя, а всё-таки смотрят, как можно повлиять на эту ситуацию, как можно на системном глобальном уровне менять и снижать вред от алкоголя. Можно сказать, что в концепции контроля за алкоголем есть принцип снижения вреда».

Весь разговор с юристом, правозащитником, членом рабочей группы Государственной Думы РФ по совершенствованию антинаркотического законодательства и координатором веб-ресурса правовых консультаций по делам, связанным с наркотиками Hand-help **Арсением Левинсоном** приглашаем прослушать в подкасте **[НАРКОПРАГМАТИКА. Наркоконтроль и доступ к лекарственным средствам](#)**



<https://harmreductioneurasia.org/ru>



info@harmreductioneurasia.org

Евразийская ассоциация снижения вреда
Адрес: проспект Гедимина 45-4, 01109,
Вильнюс, Литва
Тел.: +370 68887975
Код регистрации: 304470687



@EHRAssociation



@EHRA2017